

Научная статья
УДК 070.4
doi: 10.17223/15617793/482/8

К вопросу о взаимоотношениях К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова в 1870-е гг.

Елена Владимировна Перевалова¹, Валерий Викторович Перевалов²

^{1, 2}Московский политехнический университет, Москва, Россия

¹*helenpv@yandex.ru*

²*val-perevalov@yandex.ru*

Аннотация. Анализируются взаимоотношения обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева и авторитетного публициста консервативной направленности М.Н. Каткова, редактора влиятельной газеты «Московские ведомости», в годы, предшествующие восшествию на престол императора Александра III. Рассмотрено взаимодействие Победоносцева с Катковым, доказано, что в указанный период он не оказывал ему и его изданию существенной помощи. Делается вывод, что несмотря на близость взглядов, которые эволюционировали в указанный период к консерватизму, и откровенность в выражении друг другу своего недовольства правительственным курсом, между высокопоставленным чиновником и журналистом назревали внутренние противоречия, которые привели в более поздний период к конфликту между ними.

Ключевые слова: М.Н. Катков, К.П. Победоносцев, Московские ведомости, консерватизм

Для цитирования: Перевалова Е.В., Перевалов В.В. К вопросу о взаимоотношениях К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова в 1870-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 81–89. doi: 10.17223/15617793/482/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/482/8

On the relationship between Konstantin Pobedonostsev and Mikhail Katkov in the 1870s

Elena V. Perevalova¹, Valery V. Perevalov²

^{1, 2} Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation

¹ *helenpv@yandex.ru*

² *val-perevalov@yandex.ru*

Abstract. The article examines the relationship between Konstantin Pobedonostsev, the chief prosecutor of the Holy Synod, and Mikhail Katkov, an authoritative conservative publicist, the editor of the influential newspaper *Moskovskie Vedomosti*, in the 1870s. The relevance of the stated problem is due to the growing interest in the history of Russian conservative journalism and its role in the life of Russia in the second half of the 19th century. The novelty of the study consists in the introduction into scholarly discourse of little-studied material, in particular, the letters of Boleslav Markevich and Pobedonostsev. The analysis of the relations between the high-ranking official and the authoritative journalist in the years preceding the culminating period of their political careers shows the characteristic features of the political life of Russia in the 1870s, to determine the role of personal ties between representatives of the bureaucratic elite and the leaders of domestic journalism. On the basis of poorly studied archival materials, diary entries, letters and memoirs of contemporaries, the authors consider forms of interaction between Pobedonostsev and Katkov. The authors prove that, during this period, Pobedonostsev did not provide Katkov and his newspaper with significant assistance: he did not take part in finding contacts necessary for the journalist in the entourage of Alexander II and in the government, did not try to influence the decisions of the highest censorship bodies, did not provide information support, etc. On the contrary, Pobedonostsev himself needed Katkov's support during these years and could only provide moral assistance to the journalist, expressing in personal correspondence his solidarity and sympathy with his speeches in the newspaper *Moskovskie Vedomosti*. Katkov opposed his decisive actions, assertiveness, purposefulness, and desire to achieve the result he needed in everything to Pobedonostsev's pedantry, habit of formalism, standard, and desire to avoid significant changes. As a result, despite the closeness of views that evolved to conservatism during this period and frankness in expressing their dissatisfaction with the government course to each other, Pobedonostsev and Katkov had growing internal contradictions and misunderstandings, which eventually led to disunity between them in the 1880s, when they both began to play major roles in the entourage of Emperor Alexander III. The authors conclude that the union of Pobedonostsev and Katkov, which seemed strong and indestructible to

many contemporaries, became fragile and unstable back in the 1870s, and did not contribute to the formation of a unified and clear program of Russian conservatives.

Keywords: Mikhail Katkov, Konstantin Pobedonostsev, *Moskovskie Vedomosti*, conservatism

For citation: Perevalova, E.V. & Perevalov, V.V. (2022) On the relationship between Konstantin Pobedonostsev and Mikhail Katkov in the 1870s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 81–89. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/8

Постановка проблемы

Обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева и журналиста, редактора газеты «Московские ведомости» М.Н. Каткова не без оснований называют главными идеологами первых лет царствования императора Александра III. В начале 1880-х гг. Победоносцев превратился в самую могущественную фигуру российской внутренней политики, став опорой и ближайшим советником молодого императора, видевшего в нем не только авторитетного государственного деятеля, но и близкого человека, друга и помощника. Первые годы нового царствования стали кульминационным моментом его влияния, хотя, по мнению исследователей, оно очень быстро начало ослабевать. На этот же период приходится и пик значимости в государственной жизни России Каткова, которому в 1880-е гг. приписывали огромную власть и влияние как на ход государственных дел, так и на самого императора и даже называли «подспудным премьером» [1. С. 445]. В его «Московских ведомостях» видели не только «опору правительства» [2. Л. 35], но едва ли не самую влиятельную силу в государстве, управляющую принятием решений; газету сравнивали с «инспекцией всероссийской службы» [3. С. 36–38], называли неофициальным департаментом, «в котором обсуждались и готовились к решению важнейшие вопросы по внутренней и внешней политике» [4. С. 14], и даже представляли императорской семьи считали ее «особой, независимой силой», действующей «вне правительства» [5. С. 499–500].

Идейное наследие Победоносцева и Каткова в последние годы все чаще привлекает исследователей, что, в частности, нашло отражение в работах А.Ю. Полунова [6], А.Л. Брутян [7], С.М. Саньковой [8], А.В. Репникова [9], А.Э. Котова [10] и др. Однако взаимовлияние и взаимодействие этих двух выдающихся представителей консервативной идеологии последней трети XIX в. рассматривается, как правило, на материале 1880-х гг., ставших кульминационным периодом в политической карьере каждого из них. Гораздо меньше внимание уделяется периоду семидесятых годов, когда оба деятеля, недовольные либеральным курсом правительства Александра II, находились в оппозиции к власти. Настоящая статья восполняет существующий пробел, что позволяет, на взгляд авторов, выявить характерные особенности политической жизни России 1870–1880-х гг., продемонстрировать роль личных связей представителей бюрократической верхушки с лидерами отечественной журналистики.

В основе статьи – малоизученные архивные материалы, дневниковые записи, письма и воспоминания современников. Актуальность заявленной проблемы

обусловлена усиливающимся интересом к истории отечественной консервативной журналистики и ее роли в жизни России второй половины XIX в. Научная новизна исследования состоит во введении в научный оборот мало изученного материала, в частности писем Б.М. Маркевича и К.П. Победоносцева.

«Литературе нашей очень плохо приходится...»: сотрудничество К.П. Победоносцева в журнале М.Н. Каткова «Русский вестник»

Победоносцев познакомился с Катковым еще в начале 1850-х гг. Выпускник Императорского училища правоведения, обер-секретарь Общего собрания московских департаментов Сената, Победоносцев после защиты в 1859 г. магистерской диссертации был избран профессором юридического факультета Московского университета и, наряду с другими либерально настроенными преподавателями, оказался в числе самых активных сотрудников журнала «Русский вестник», издание которого было предпринято в 1856 г. Катковым совместно с профессором П.М. Леонтьевым. Основанный в первые годы царствования Александра II, журнал объединил вокруг себя значительную часть московской либерально настроенной интеллигенции, с воодушевлением встретившей реформы молодого императора. Присущий изданию умеренный либерально-западнический характер не был чужд Победоносцеву: будущий идеолог консерватизма в годы молодости не только не отрицал либеральные идеи, но и являлся их последовательным проводником. Выдвигаемые в «Русском вестнике» требования публичности судопроизводства, введения суда присяжных, изобличение недостатков современного правопорядка России, критика бюрократической централизации, полицейского произвола, взяточничества и т.п., несомненно, вызывали сочувствие молодого ученого, который в многочисленных статьях – «Заметки для истории крепостного права в России» (1858), «О реформах в гражданском судопроизводстве» (1859), «Приобретение собственности и поземельные книги» (1860), «Вещный кредит и залоговое право» (1860), «Утверждение крепостного права в России в XVIII столетии» (1860) и др. – указывал на крепостничество как на главный тормоз на пути России к прогрессу, отстаивал принципы нового судопроизводства: гласность, публичность и состязательность судебного процесса, независимость суда от исполнительной власти и т.д. Примечательно, что уже в начале 1860-х гг. Победоносцев с успехом пытался реализовать эти принципы на практике, принимая в качестве помощника государственного секретаря С.И. Зарудного самое деятельное участие в разработке новой судебной системы. В частной переписке в

эти годы он нередко позволял себе критиковать, правда, весьма умеренно, действующую власть. К примеру, в письме к другому постоянному автору «Русского вестника» – К.Д. Кавелину Победоносцев с огорчением и негодованием жаловался на цензуру, которая, по его словам, «у нас стала просто чёрный кабинет... терзают и режут все печатное; циркуляры сыплются один за другим из П[етер]бурга... Литературе нашей очень плохо приходится» [11. С. 362]. По всей вероятности, под «литературой» он имел в виду в первую очередь «Русский вестник», публикации которого в эти годы неоднократно привлекали пристальное внимание цензоров [12]. Правда, поводов сетовать на цензурные притеснения у самого Победоносцева не было: в документах Московского цензурного комитета нет ни одного упоминания его статей как требующих «особого внимания». Одной из причин лояльности цензоров к его публикациям было, возможно, отсутствие в них публицистической страстности, эмоциональности, свойственной другим авторам журнала, например С.С. Громеке, статья которого «О полиции вне полиции», опубликованная в октябре 1858 г., была написана в столь резком тоне и содержала настолько яркие картины полицейского и административного произвола, что стала предметом громкого разбирательства с участием шефа жандармов, начальника Третьего отделения князя В.А. Долгорукова, начальника штаба корпуса жандармов и управляющего III отделением А.Е. Тимашева, Председателя департамента государственной экономии генерала К.В. Чевкина [13. Л. 128]. Вместе с тем статьи Победоносцева отличались серьезным, фундаментальным подходом, безукоризненной логичностью и строгой последовательностью, аргументированностью и доказательностью выводов, и потому Катков, который был весьма придирчив и требователен к содержанию, стилю и языку публикуемых в его журнале материалов, высоко ценил участие молодого ученого в своем издании.

Однако уже в 1861 г. по совету графа С.Г. Строганова Победоносцев, как превосходный знаток права, блестящий лектор, был приглашен преподавать законоведение наследнику престола великому князю Николаю Александровичу и другим великим князьям, и его участие в «Русском вестнике» заметно сократилось. Любопытно, что и в жизни Каткова Строганов сыграл весьма значительную роль: в 1845 г. он, как попечитель Московского учебного округа, рекомендовал Каткова, только что защитившего диссертацию и получившего степень магистра русской словесности, на кафедру философии Московского университета, а в 1851 г., когда во всех российских университетах по высочайшему распоряжению преподавание философии было передано священнослужителям, содействовал занятию им места редактора издававшихся при Московском университете «Московских ведомостей». Таким образом, и Победоносцев, и Катков началом своей карьеры во многом были обязаны Строганову, что уже говорит о многом: граф не терпел лести, поддакиваний, уважая в других людях прежде всего чувство собственного достоинства, ум,

порядочность, умение отстаивать свои убеждения. «К Строганову можно было подольститься только тем, чем у других начальником подчиненный мог навлечь на себя гнев <...>. Прийти к Строганову с рекомендательным письмом от знатной дамы, знатного господина, значило навсегда погубить себя в его мнении, никогда не получить себе места» [14. С. 244–245]. Несомненно, помогая Каткову и Победоносцеву, Строганов, человек просвещенный, и в материальном отношении независимый, руководствовался не только профессиональными способностями своих протеже, но и их личными качествами: целеустремленностью, твердостью характера, искренней преданностью отечеству, императорской семье и престолу. Возможно, именно эти черты, свойственные как Каткову, так и Победоносцеву, позволили простому знакомству между ними перерасти в многолетнюю дружбу, которая не прервалась и после отъезда последнего в Петербург.

Сближению ученого и журналиста способствовало и нарастание консервативных тенденций в их взглядах, особенно усилившееся в 1860-е гг. Умеренный либерализм Победоносцева конца 1850-х в вопросах судебной реформы уже в начале 1860-х гг. сменился сначала сомнениями в целесообразности нововведений применительно к российским условиям, а затем и их резким неприятием. Во всех других преобразованиях эпохи – крестьянской, земской и других реформах – он начал видеть ошибки, неэффективность и даже опасность для общества. Убежденность журналиста в необходимости и полезности новых судов также постепенно сменилась критикой отдельных решений и ироническими замечаниями, переросшими со временем в ожесточенную полемику с их сторонниками, и из горячего защитника судебной реформы он превратился в одного из самых ее строгих критиков. Особое негодование Каткова вызывали попытки использовать юридические новшества в политической борьбе, когда суды, находясь под давлением общественных настроений, не только оправдывали политических преступников, но и создавали вокруг них своего рода романтический ореол, превращая их из обвиняемых в символ гражданской доблести и мужества [15]. Сближало журналиста с Победоносцевым и резкое неприятие демократизма и парламентаризма, присущих политической жизни Западной Европы, пример которой они оба считали совершенно неприемлемым и недопустимым для России, а также глубокая убежденность в необходимости сохранения неограниченного самодержавия и принятии решительных мер для предотвращения распространения радикальных идей.

«Союзник» или «наблюдатель»: роль Победоносцева в изданиях Каткова в 1870-е гг.

«Московские ведомости», в 1863 г. переданные Каткову в долгосрочную аренду, быстро превратились в «русскую Times», как нередко называли эту газету современники, в авторитетный орган общественного мнения, к которому прислушивались не

только в России, но и в Европе. Казалось бы, Победоносцев, осведомленный, в силу своей близости к царской семье, о многих событиях придворной жизни и о происходящем в ближайшем окружении императора, мог стать для Каткова источником важных и, главное, достоверных сведений. Но нет: в его сохранившихся письмах Каткову 1860–1870-х гг. не найти и сотой доли той разнообразной и подробной информации о политической, придворной, культурной жизни Петербурга, которая содержится в письмах других столичных корреспондентов журналиста: адъютанта великого князя Константина Николаевича А.А. Киреева, дипломатов И.А. Зиновьева, А.Д. Путяты, К.Г. Катакази, чиновников Ф.М. Толстого, Е.М. Феоктистова, Б.М. Маркевича. Редко-редко в письмах Победоносцева заходила речь о каких-либо новостях политики и придворной жизни, чаще всего он писал о своих корреспонденциях, которые время от времени продолжал помещать в «Московских ведомостях». Тематика этих корреспонденций в основном была связана с его научной и общественной работой: это были анонсы его новых книг [16. Л. 96], сообщения о деятельности Красного Креста [17. Л. 96], членом Главного управления которого он состоял, заметки о путешествии цесаревича Николая Александровича по России, в котором он сопровождал наследника престола [18. Л. 135–136], и т.п.

Даже если у Каткова поначалу и были надежды на Победоносцева как на столичного «ныусмейкера» своей газеты, то очень быстро ему пришлось от них отказаться. Ученый не обладал в должной мере ни энергией, ни способностью находить общий язык с «нужными людьми», ни умением приспосабливаться к обстоятельствам, ни общительностью и темпераментом, позволяющими быстро приобретать знакомства и связи в министерствах и департаментах, среди литераторов и журналистов, в светских салонах и аристократических гостиных. Оказавшись в непривычной и чуждой для него придворной атмосфере, Победоносцев остро чувствовал свою отчужденность и обособленность, ему с трудом удавалось находить общий язык с либерально настроенным окружением Александра II, в глазах которого он постепенно приобрел репутацию «упорного консерватора», человека, противодействующего новым направлениям и любым либеральным устремлениям и начинаниям. «Я попал, без всякой вины своей, в атмосферу лжи, клеветы, слухов и сплетен, – писал он позже о том периоде своей жизни, когда после скорострительной смерти в 1865 г. великого князя Николая Александровича, вновь вернулся ко двору по приглашению великого князя Александра Александровича – нового наследника российского трона. – Но в ту пору из министров и правящих лиц никто не имел общения с цесаревичем, и эта среда питалась всякими слухами и сплетнями об его характере и настроении. Меня они тоже не знали и питали себя подозрениями о каком-то моем влиянии на цесаревича, а Государю тогдашние временщики – гр. Шувалов, Валуйев и пр. – внушали такие же подозрения. С другой стороны, в силу того же мнения обо мне, люди, осуждая и браня меня на сто-

роне, старались быть со мною любезными» [19]. Как видимо, Победоносцеву было крайне неуютно и одиноко в незнакомой ему, человеку науки, придворной среде, и, внезапно оказавшись одним из самых близких к новому наследнику престола лиц, он не умел, да и не желал извлекать каких-либо преимуществ из своего привилегированного положения. Выросший в патриархальной, религиозной, старозаветной семье профессора Московского университета, он был искренне привязан к Москве, которая для него, как и для Каткова, была хранительницей устойчивых, проверенных временем ценностей и традиций, и он с острой неприязнью воспринимал петербургскую жизнь с ее обезличенной чиновной атмосферой.

Однако в условиях российской реальности, когда границы допускаемой правительством гласности оставались по-прежнему очень неопределенными, действия законов часто подменялось личными связями, а судьба периодических изданий нередко зависела от мнений, настроений и расположения того или иного сановника, журналистам (и Катков здесь не был исключением) волей-неволей приходилось приноравливаться к меняющимся обстоятельствам и искать могущественных покровителей. В 1860–1870-е гг. редактор «Московских ведомостей» был вынужден искать поддержку у таких влиятельных лиц, как граф А.М. Горчаков, П.А. Валуйев, Д.А. Милютин, граф П.А. Шувалов и другие, однако Победоносцев никакого участия в приобретении их расположения почти не принимал и едва ли в эти годы старался помочь журналисту в его попытках найти «связи» и «полезные знакомства» при дворе. Несмотря на то, что его служебная карьера развивалась весьма успешно: в 1865 г. он был назначен членом консультации Министерства юстиции, в 1868 г. стал сенатором, в 1872 г. – членом Государственного совета, в апреле 1880 г. – обер-прокурором Святейшего Синода, а 28 октября того же года – членом Комитета министров, что явилось беспрецедентным формальным повышением статуса обер-прокурорской должности, – Победоносцев, в отличие от других представителей политического истеблишмента 1860–1870-х гг., не пользовался расположением и доверием императора Александра II и не имел какого-либо серьезного влияния на ход государственных дел. Правда, со временем он сблизился с консервативными придворными кружками, группировавшимися вокруг императрицы Марии Александровны и ее фрейлин: сестер А.Ф. и Е.Ф. Тютчевых, графини А.Д. Блудовой, но дальше его влияние не распространялось.

Переписка Победоносцева с Катковым в 1870-е гг. подтверждает, что он не оказывал журналисту сколько-нибудь серьезной поддержки, даже когда тот в ней отчаянно нуждался: «Московские ведомости», не желая «попадать в тон» ни лицам в правительстве, ни либеральным устремлениям значительной части интеллигенции, оказались словно бы «между двух огней» и противостояли, с одной стороны, власти и цензуре, а с другой – либеральным настроениям российской интеллигенции. К примеру, в январе 1870 г. «Московские ведомости» получили предостережение

за передовые статьи, которые, как говорилось в решении Совета Главного управления по делам печати, «изображают многие из сторон правительственной деятельности и вообще положение дел нашего отечества в превратном виде и тем способствуют распространению в обществе неосновательных и тревожных опасений, могущих возбудить в нем недоверие к правительству» [20. С. 87]. По мнению многих современников, причиной вынесения предостережения стала излишняя прямолинейность, «необузданность» [21. Л. 112–113] передовых статей Каткова, присутствующие в них прямые намеки на членов правительства, что привело к «целому букету жалоб» на газету со стороны министров и в конечном итоге явилось причиной недоброжелательства императора, который, как отмечалось многими современниками, «смотрит на нападки против администрации как на нападки на него самого» [22. Л. 15]. В столице ходили слухи, что предостережение явилось следствием коллективного обращения к императору П.А. Шувалова, А.Е. Тимашева, К.А. Палена, А.П. Бобринского, которые жаловались на «Московские ведомости» и «просили о заступничестве» [23. Л. 33].

Факт вынесения предостережения был тем неожиданным, что и тон, и содержание статей, ставших для него поводом, были не резче и не мрачнее других, которые ранее рассматривались цензурой, но лишь «принимались к сведению». «Оно произвело впечатление громового удара, – писал Каткову из Петербурга Б.М. писатель Маркевич, доверенное лицо редактора “Московских ведомостей” в столице. – Тютчев захлебывался от негодования, говоря, что “есть предел, за которым нелепость перестает даже быть практичной”» [21. Л. 112–113]. Реакция Победоносцева, который к этому времени уже был сенатором и имел почти десятилетний «придворный стаж», свидетельствует не только об охватившем его отчаянии, но и об отсутствии у него какой-либо возможности вмешаться и повлиять на ситуацию, не говоря уже о том, чтобы предотвратить неблагоприятный для «Московских ведомостей» исход дела в Совете: по свидетельству Б.М. Маркевича, он «был так поражен, что только мог повторять: “Боже мой, Господи, что же это такое!”» [21. Л. 112–113].

«Против течения»: взаимоотношения Победоносцева и Каткова в последние годы правления Александра II

Подобный характер взаимоотношения Победоносцева и Каткова сохраняли до самых последних дней правления Александра II. Примером могут служить события марта 1880 г., когда дело «Московских ведомостей» вновь рассматривалось на заседании Главного управления по делам печати. Газете, обвиненной в «опасной для общественного спокойствия агитации», вновь грозило предостережение. На этот раз поводом послужила передовая статья Каткова, написанная в связи с освобождением во Франции террориста Л.Н. Гартмана, участника покушения на Александра II 19 ноября 1879 г. Бежавший за границу Гартман был выслежен

французской полицией и по требованию русского правительства арестован, но в результате кампании, поднятой в европейской прессе русской революционной эмиграцией и французской интеллигенцией, вскоре освобожден. В контексте нового покушения на русского императора – 5 февраля 1880 г. взрыв прозвучал в Зимнем дворце, и царская семья уцелела лишь по счастливой случайности – отказ Франции выдать России политического преступника, даже под благовидным предлогом – вследствие отсутствия юридических документов, подтверждающих его вину, – выглядел вызывающе. Публицист «Московских ведомостей» в присущей ему резкой манере упрекал французские республиканские власти, характеризуя ее действия как «позорные», оскорбительные для России и обусловленные «бессилием пред революционной сволочью» [24]. Передовая вызвала сильное раздражение как в высших официальных кругах России, так и среди представителей российского образованного общества, не без оснований увидевших в обвинениях в адрес французского правительства и французской интеллигенции, в том числе поддержавшего Гартмана Виктора Гюго, оскорбления также и в свой адрес.

Победоносцев, разделявший, без сомнения, возмущение «Московских ведомостей» действиями французских властей, и на этот раз не предпринял никаких попыток повлиять на решение Главного управления по делам печати, и остался в данной ситуации только «сторонним наблюдателем» (в итоге предостережение все же не было вынесено, так как большинство членов управления высказалось против). Впрочем, возможно, он и не знал, что газете грозит предостережение: о заседании, на котором рассматривался вопрос о предостережении «Московским ведомостям», ему стало известно лишь спустя несколько дней. «На днях как-то дошел до меня глухой слух, что в Главном управлении по делам печати было заседание по поводу этой статьи. Слух этот возмутил меня», – писал Победоносцев Каткову 30 марта, спустя несколько дней после случившегося [25. Л. 10]. Избегая, по своему обыкновению, называть имена конкретных лиц, он ограничился выражением своего сочувствия и констатацией невозможности противостоять либеральным настроениям общества и большинству членов Главного управления по делам печати. «Что мудреного? – риторически вопрошал Победоносцев. – Всего можно ожидать: пожалуй, чего доброго, ввиду бешеных на Вас нападок со стороны развращенной здешней прессы, дали бы Вам предостережение за защиту патриотического чувства, правды и здравого смысла» [25. Л. 10–11]. Однако уже на следующий день, понимая, что за первой статьей «Московских ведомостей» о Гартмане могут последовать и другие, не менее страстные и горячие, и тогда изданию уже точно не удастся избежать наказания, Победоносцев в привычной для него сдержанной манере настоятельно советовал Каткову «не смущаться и продолжать делать свое дело, но быть осторожнее» и «избегать вполне справедливых и подающих повод к раздражению резких обличений официальной ин-

теллигенции» [26. Л. 101–102]. Хорошо осведомленный об атмосфере в придворных и правительственных кругах, он давал понять, что даже в высших сферах царит «невообразимая путаница в умах» и «полное метание мысли» (здесь и далее подчеркивание автора письма. – *Авт.*), а потому «чтоб не дразнить гусей, которых легион и которые правят, необходимо покуда ставить мысль, по возможности, объективно» [26. Л. 101–102]. «Я где могу и умею всеми силами Вас отстаиваю и буду отстаивать, – обещал Победоносцев журналисту, но тут же оговаривался. – Но далеко не со всеми стоит и говорить. Не таков еще рынок, чтобы на него можно было вынести истину и открыть лик ее перед всеми» [26. Л. 101–102]. Под «гусями» чиновник, по всей вероятности, подразумевал «ближний круг» императора – М.Т. Лорис-Меликова, А.А. и Н.С. Абазу, великого князя Константина Николаевича и др. Подобного рода намеки, отсутствие конкретных имен, «замалчивания», ровный, спокойный тон весьма характерны для всех писем Победоносцева, адресованных Каткову. Характерно, что это письмо, как и многие другие, адресованные журналисту, осторожный Победоносцев пересылал в Москву «с оказией», т.е. через знакомых или (чаще всего) – с надежными сотрудниками «Московских ведомостей».

Высокопоставленный чиновник мог оказать журналисту в эти годы лишь моральную поддержку, выражая в личной переписке с ним свое восхищение его «прекрасными статьями» в «защиту правды русского чувства и русских интересов!» [27. Л. 95] и сочувствуя направлению его «Московских ведомостей». Его содействие газете выражалась в том, что он время от времени знакомил наследника престола великого князя Александра Александровича с наиболее резонансными статьями «Московских ведомостей», характеризуя их ему как единственную газету, «которая во все это время держится с достоинством на высоте вопроса» [28. Л. 62]. Именно так, в частности, он поступил и с вышеупомянутой статьей о Гартмане, которую «тотчас же переслал Цесаревичу» и которая тому «очень понравилась» [26. Л. 101–102]. Однако вследствие весьма натянутых отношений между императором Александром II и его преемником вряд ли мнения последнего в тот момент могли иметь какое-либо значение.

К посредничеству Победоносцева Катков также был вынужден прибегнуть осенью 1878 г., когда он позволил себе обратиться (единственный раз!) к цесаревичу с личной просьбой. Зная о близости Победоносцева к наследнику престола и доверии, с которым последний относился к своему наставнику, Катков просил Победоносцева походатайствовать о переводе своего старшего сына Петра, служившего во время Русско-турецкой войны на правах вольноопределяющегося в Чугуевском уланском полку, в Кавалергардский гвардейский полк [29. Л. 5]. Впрочем, формальный предлог для обращения к наследнику престола все же был: Петр Катков до отправки на фронт учился в основанном его отцом Лицее памяти цесаревича Николая, покровителем которого являлся великий князь Александр Александрович, и, как воспитанник

этого привилегированного учебного заведения мог рассчитывать на внимание царственного патрона.

Однако и сам Победоносцев, похоже, в эти годы ничуть не меньше нуждался в поддержке Каткова: в его письмах журналисту выражения солидарности нередко соседствовали с жалобами на засилье «интриги», неопределенность положения власти, отсутствие «точного и определительного» в «дряблой и пошлой среде, в коей мы вращаемся» [30. Л. 107] и т.д. «Времена – сами видите – грустные, – с тревогой и тоской писал Победоносцев Каткову зимой 1879 г. – Власть уже становится на Руси игрушкой, которую хотят передавать друг другу в руки жалкие и пошлые честолюбцы посредством интриги, ничем не пренебрегающей. Нет уже твердого центра, из которого всякая власть прямо исходила бы и на котором прямо бы держалась. Стыдно сказать – одним из орудий интриги – служит ныне связь с теми лавочками, которые утвердились в Петербурге под фирмою журналов и которые с нахальством величают себя русской прессой, присваивая себе самодержавие и так называемое общественное мнение» [31. Л. 7–8].

В его письмах преобладают пессимизм, стремление «убеждать» от тягостной и пугающей действительности, нарастающее критическое отношение к окружающему миру. «Тут бесы, имя же им – легион, – писал Победоносцев Каткову буквально за несколько дней до гибели Александра II. – Это помрачение умов, в коем трудно или невозможно уследить одного, известного беса помрачения... У нас болото, в коем не находишь твердой точки для опоры; куда ни поставишь рычаг – проваливается. Возлагаю вину на одного, рискуешь возбудить всех и никого нет обличить в особенности... Я борюсь, но я уже становлюсь совсем одиноким. Ко мне приходят, шепчут на ухо: как мы вам благодарны! – но на людях объявляют противные меры» [32. Л. 109–110]. Похоже, Катков был одним из немногих, с кем осторожный Победоносцев мог общаться столь доверительно и кому мог без опаски, в надежде на полное взаимопонимание, излить свои переживания по поводу происходящего в высших придворных и правительственных кругах.

Заключение

Анализ переписки Победоносцева и Каткова 1870-х гг. демонстрирует, насколько тесными в указанный период могли быть взаимоотношения представителей политической элиты с лидерами отечественной печати. Их характер свидетельствует, что журналистика к этому времени превратилась в реальную силу, и высокопоставленным чиновникам нередко приходилось прибегать к помощи и поддержке авторитетных деятелей печати.

Однако до 1 марта 1881 г. и Победоносцев, и Катков находились в оппозиции к официальному курсу правительства Александра II и были весьма откровенны друг с другом в выражении своего недовольства. Но если первый из них, несмотря на занимаемые высокие государственные посты, в 1870-е гг. не обладал реальным влиянием и мог лишь в узком кругу единомышленни-

ков делиться своими тревогами и сомнениями, то второй мастерски владел талантом публициста и умело пользовался словом как оружием, порой без оглядки на придворные закулисные интриги и не подстраиваясь под диктуемые «сверху» мнения. Будучи человеком энергичным, прямолинейным, неуступчивым, журналист решительно и настойчиво отстаивал в «Московских ведомостях» свою позицию, делая это страстно, бескомпромиссно и порой даже излишне прямодушно и самоуверенно, тогда как Победоносцев, по мере приращения «придворного стажа» и приобретения опыта государственного управления, превращался в тонкого и расчетливого политика, взвешивал каждое свое слово и в любой ситуации сохранял предусмотрительность и осторожность. Прагматичный и рассудительный, он советовал эмоциональному и вспыльчивому Каткову сдерживаться и «не допускать себя до раздражения», подчеркивая, что «время очень темное и мысли спутаны до крайности» [33. Л. 109].

Причиной столь разительного контраста в поведении высокопоставленного чиновника и авторитетного журналиста являлось глубоко отличное отношение к идущим в России преобразованиям и к своей роли в них. Уже тогда между ними существовали скрытые противоречия, порожденные разницей в мировосприятии и понимании своих задач в процессе сохранения основ само-

державной монархии, хотя в глазах современников они воспринимались как политические союзники и единомышленники. Педантизм Победоносцева, его привычке к формализму, стандарту, стремлению избежать существенных перемен Катков уже в 1870-е гг. противопоставлял решительные действия, напористость, целеустремленность, желание во всем добиться нужного ему результата. По его представлениям, с либеральными увлечениями российской интеллигенции, революционными теориями, социалистической пропагандой и нигилизмом следовало бороться не путем запретов и ограничений, а энергичным вмешательством и активными, решительными действиями со стороны правительства. Расхождения в тактике вели к нарастанию недопонимания и еще большей разобщенности между журналистом и обер-прокурором Святейшего Синода, что не могло не наложить отпечаток на их взаимоотношения в 1880-е гг., когда они оба стали играть главные роли в окружении Александра III. Как показали события первых лет правления нового императора, союз Победоносцева и Каткова, казавшийся многим современникам прочным и нерушимым, в реальности оказался союзом «мнимым» [34. С. 221], хрупким и неустойчивым. Два основных идеолога отечественного консерватизма так и не смогли объединить усилия и выработать единую и четкую программу деятельности.

Список источников

1. Бартенев П.И. Из записной книжки «Русского архива» // Русский архив. 1912. Кн. 3.
2. Феокистов Е.М. Письмо М.Н. Каткову. 9 июля. Б.г. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 120. К. 38.
3. Розанов В.В. Суворин и Катков // Новое время. 1997. Кн. 7.
4. Любимов Н.А. Михаил Никифорович Катков. По личным воспоминаниям // Русский вестник. 1888. Кн. 1.
5. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря : в 2 т. М. : ЗАО Центрполиграф, 2005. Т. 1.
6. Полунов А.Ю. Константин Петрович Победоносцев: вехи политической биографии. М. : МАКС-Пресс, 2010. 177 с.
7. Брутян А.Л. М.Н. Катков: Социально-политические взгляды / под ред. Е.Н. Мошелкова. М. : МАКС-Пресс, 2001. 128 с.
8. Санькова С.М. Государственный деятель без государственной должности. М.Н. Катков как идеолог государственного национализма. СПб. : Нестор, 2007. 298 с.
9. Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова. Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х гг. СПб. : Владимир Даль, 2016. 488 с.
10. Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности. М. : Сигнал, 1999. 161 с.
11. Репников А.В. Победоносцев, Константин Петрович // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века / отв. ред. В.В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 2010. С. 362–368.
12. Перевалова Е.В. «Истина не должна бояться гласности...» (журнал «Русский вестник» и цензура в первые годы реформ Александра II) // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. Серия «История и политология». М. : МПГУ, 2016. № 1. С. 21–31.
13. Громека С.С. Письмо М.Н. Каткову. Вышний Волочек. 2 декабря 1858 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 21.
14. Соловьев С.М. Записки // Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М., 1983.
15. Перевалова Е.В. Освещение процесса Веры Засулич в газете М.Н. Каткова «Московские ведомости» // Вопросы теории и практики журналистики. Научный журнал Байкальского государственного университета. 2015. Т. 4, № 1. С. 29–41.
16. Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. 21 июля 1877 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19.
17. Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. 20 ноября 1877 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19.
18. Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. 20 июля 1866 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19.
19. Победоносцев К.П. Письмо к Николаю II. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib/pobed_pril.html (дата обращения: 04.02.2021).
20. Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. Система административных изданий. Справочное издание. СПб. : Нестор-История, 2011.
21. Маркевич Б.М. Письмо М.Н. Каткову. 10 января. Б.г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 34.
22. Киреев А.А. Дневник // ОР РГБ. Ф. 126. К. 6.
23. Воскобойников Н.Н. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 10 января 1870 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 22.
24. Передовая статья // Московские ведомости. 27.03.1880. № 86.
25. Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. 30 марта. Б.г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 41. Ед. хр. 3.
26. Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. 31 марта. Б.г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19.
27. Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 26 апреля 1877 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19.
28. Победоносцев К.П. Письмо Александру III. 1 января 1877 г. // Победоносцев К.П. Письма к Александру III. М.: Новая Москва, 1926. Т. I.
29. Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. 21 февраля 1878 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 41. Ед. хр. 3.
30. Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 9 января 1881 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19.
31. Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 29 декабря 1879 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 41. Ед. хр. 3.
32. Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. Санкт-Петербург. 19 февраля 1881 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19.
33. Победоносцев К.П. Письмо М.Н. Каткову. 18 февраля 1881 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 19.
34. Феокистов Е.М. За кулисами политики и литературы. (1848–1896). Воспоминания. М., 1991.

References

1. Bartenev, P.I. (1912) Iz zapisnoy knizhki "Russkogo arkhiva" [From the notebook of Russkiy arkhiv]. *Russkiy arkhiv*. 3.
2. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 38. Feoktistov, E.M. (n.d.) *Pis'mo M.N. Katkovu. 9 iyulya* [Letter to M.N. Katkov. July 9].
3. Rozanov, V.V. (1997) Suvorin i Katkov [Suvorin and Katkov]. *Novoe vremya*. 7.
4. Lyubimov, N.A. (1888) Mikhail Nikiforovich Katkov. Po lichnym vospominaniyam [Mikhail Nikiforovich Katkov. By personal memories]. *Russkiy vestnik*. 1.
5. Polovtsov, A.A. (2005) *Dnevnik gosudarstvennogo sekretarya: v 2 t.* [Diary of the Secretary of State: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf.
6. Polunov, A.Yu. (2010) *Konstantin Petrovich Pobedonostsev: vekhi politicheskoy biografii* [Konstantin Petrovich Pobedonostsev: milestones in political biography]. Moscow: MAKS-Press.
7. Brutyan, A.L. (2001) *M.N. Katkov: Sotsial'no-politicheskie vzglyady* [M.N. Katkov: Socio-political views]. Moscow: MAKS-Press.
8. San'kova, S.M. (2007) *Gosudarstvennyy deyatel' bez gosudarstvennoy dolzhnosti. M.N. Katkov kak ideolog gosudarstvennogo natsionalizma* [A statesman without a public office. M.N. Katkov as an ideologist of state nationalism]. St. Petersburg: Nestor.
9. Kotov, A.E. (2016) "Tsarskiy put'" Mikhaila Katkova. Ideologiya byurokraticheskogo natsionalizma v politicheskoy publitsistike 1860–1890-kh gg. [The "Royal Way" by Mikhail Katkov. The ideology of bureaucratic nationalism in the political journalism of the 1860s–1890s]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
10. Repnikov, A.V. (1999) *Konservativnaya kontseptsiya rossiyskoy gosudarstvennosti* [The conservative conception of Russian statehood]. Moscow: Signal'.
11. Repnikov, A.V. (2010) Pobedonostsev, Konstantin Petrovich [Pobedonostsev, Konstantin Petrovich]. In: Shelokhaev, V.V. (ed.) *Russkiy konservativizm serebryy XVIII – nachala XX veka* [Russian conservatism in the middle of the 18th – early 20th centuries]. Moscow: ROSSPEN. pp. 362–368.
12. Perevalova, E.V. (2016) "Istina ne dolzhna boyat'sya glasnosti..." (zhurnal "Russkiy vestnik" i tsenzura v pervye gody reform Aleksandra II) ["Truth should not be afraid of publicity ..." (Russkiy vestnik and censorship in the early years of Alexander II's reforms)]. *LOKUS: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly. Seriya "Istoriya i politologiya"*. 1. pp. 21–31.
13. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 21. Gromeka, S.S. (1858) *Pis'mo M.N. Katkovu. Vyshniy Volochek. 2 dekabrya 1858 g.* [Letter to M.N. Katkov. Vyshny Volochek. December 2, 1858].
14. Solov'ev, S.M. (1983) Zapiski [Notes]. In: Solov'ev S.M. *Izbrannye trudy. Zapiski* [Selected works. Notes]. Moscow: MSU.
15. Perevalova, E.V. (2015) Osveshchenie protsessu Very Zasulich v gazete M.N. Katkova "Moskovskie vedomosti" [Coverage of the trial of Vera Zasulich in M.N. Katkov's newspaper "Moskovskie Vedomosti"]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistik. Nauchnyy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 4 (1). pp. 29–41.
16. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 19. Pobedonostsev, K.P. (1877) *Pis'mo M.N. Katkovu. 21 iyulya 1877 g.* [Letter to M.N. Katkov. July 21, 1877].
17. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 19. Pobedonostsev, K.P. (1877) *Pis'mo M.N. Katkovu. 20 noyabrya 1877 g.* [Letter to M.N. Katkov. November 20, 1877].
18. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 19. Pobedonostsev, K.P. (1866) *Pis'mo M.N. Katkovu. 20 iyulya 1866 g.* [Letter to M.N. Katkov. July 20, 1866].
19. Pobedonostsev, K.P. (n.d.) *Pis'mo k Nikolayu II* [Letter to Nicholas II]. [Online] Available from: http://www.hrono.ru/libris/lib_p/pobed_pril.html (Accessed: 04.02.2021).
20. Benina, M.A. (ed.) (2011) *Periodicheskaya pechat' i tsenzura Rossiyskoy imperii v 1865–1905 gg. Sistema administrativnykh izdaniy. Spravochnoe izdanie* [Periodical press and censorship of the Russian Empire in 1865–1905. System of administrative publications. Reference edition]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
21. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 34. Markevich, B.M. (n.d.) *Pis'mo M.N. Katkovu. 10 yanvarya* [Letter to M.N. Katkov. January 10].
22. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 126. Box 6. Kireev, A.A. (n.d.) *Dnevnik* [Diary].
23. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 22. Voskoboynikov, N.N. (1870) *Pis'mo M.N. Katkovu. Sankt-Peterburg. 10 yanvarya 1870 g.* [Letter to M.N. Katkov. St. Petersburg. January 10, 1870].
24. *Moskovskie vedomosti*. (1880) Peredovaya stat'ya [Editorial]. 27 March 1880. 86.
25. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 41. Item 3. Pobedonostsev, K.P. (n.d.) *Pis'mo M.N. Katkovu. 30 marta* [Letter to M.N. Katkov. March 30].
26. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 19. Pobedonostsev, K.P. (n.d.) *Pis'mo M.N. Katkovu. 31 marta* [Letter to M.N. Katkov. March 31].
27. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 19. Pobedonostsev, K.P. (1877) *Pis'mo M.N. Katkovu. Sankt-Peterburg. 26 aprelya 1877 g.* [Letter to M.N. Katkov. St. Petersburg. April 26, 1877].
28. Pobedonostsev, K.P. (1926) *Pis'mo Aleksandru III. 1 yanvarya 1877 g.* [Letter to Alexander III. January 1, 1877]. In: Pobedonostsev K.P. *Pis'ma k Aleksandru III* [Letters to Alexander III]. Vol. 1. Moscow: Novaya Moskva.
29. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 41. Item 3. Pobedonostsev, K.P. (1878) *Pis'mo M.N. Katkovu. 21 fevralya 1878 g.* [Letter to M.N. Katkov. February 21, 1878].
30. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 19. Pobedonostsev, K.P. (1881) *Pis'mo M.N. Katkovu. Sankt-Peterburg. 9 yanvarya 1881 g.* [Letter to M.N. Katkov. St. Petersburg. January 9, 1881].
31. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 41. Item 3. Pobedonostsev, K.P. (1879) *Pis'mo M.N. Katkovu. Sankt-Peterburg. 29 dekabrya 1879 g.* [Letter to M.N. Katkov. St. Petersburg. December 29, 1879].
32. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 19. Pobedonostsev, K.P. (1881) *Pis'mo M.N. Katkovu. Sankt-Peterburg. 19 fevralya 1881 g.* [Letter to M.N. Katkov. St. Petersburg. February 19, 1881].
33. Manuscript Department of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Box 19. Pobedonostsev, K.P. (1881) *Pis'mo M.N. Katkovu. 18 fevralya 1881 g.* [Letter to M.N. Katkov. February 18, 1881].
34. Feoktistov, E.M. (1991) *Za kulisami politiki i literatury. (1848–1896). Vospominaniya* [Behind the scenes of politics and literature. (1848–1896) Memories]. Moscow: Novosti.

Информация об авторах:

Передалова Е.В. – канд. филол. наук, зав. кафедрой журналистики и массовых коммуникаций имени М.Ф. Ненасева Московского политехнического университета (Москва, Россия). E-mail: helenpv@yandex.ru

Передалов В.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций имени М.Ф. Ненасева Московского политехнического университета (Москва, Россия). E-mail: val-perevalov@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.V. Perevalova, Cand. Sci. (Philology), Docent, head of the Department of Journalism and Mass Communications named after M.F. Nenashev, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: helenpv@yandex.ru

V.V. Perevalov, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Department of Journalism and Mass Communications named after M.F. Nenashev, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: val-perevalov@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.12.2021;
одобрена после рецензирования 18.09.2022; принята к публикации 28.09.2022.*

*The article was submitted 11.12.2021;
approved after reviewing 18.09.2022; accepted for publication 28.09.2022.*